

В глазах Наследного принца Сун Суйюань обладал почти демоническим умом, искусно умея на основе каких-то незаметных мелочей делать грандиозные выводы, превосходящие возможности обычных людей. Другие люди, говоря не знаю, действительно не ведали о чем речь, но каждое не знаю из уст Сун Суйюаня было лишь отговоркой.

Чжоу Минъянь наклонил голову, глядя на говорившего так Сун Суйюаня, поджал губы, отвел взгляд и переключился на беседу с Ян Чи.

Травы из Гуйи расходились по всей стране, и нынче поиски лекарственных растений дошли уже до диких гор в окрестностях Шэнцзиня, что невольно заставляло людей задуматься. Огромное количество средств от простуды... Огромное их количество требовалось лишь для борьбы с эпидемией.

Вроде бы вроде в народе ходило поверье, что эпидемии свирепствуют в начале весны, слабеют к дождевым водам и идут на спад к пробуждению насекомых. Нынче же время приближалось к колосющимся злакам, поэтому нельзя было рассуждать по привычным канонам, а если и вспыхивала эпидемия, то чаще всего она была связана с летними бедствиями.

Однако в поданных в этом году из разных мест докладах не было никаких подобных признаков.

— Неужели... некоторые местные чиновники скрывают вспышку эпидемии и не докладывают о ней? — осторожно приподнял веки Ян Чи.

Чжоу Минъянь нахмурился:

— Подожди, пока я вернусь и просмотрю доклады.

Последние два года Сын Неба лично брал его с собой для решения государственных дел, и, столкнувшись с жесткими и беспощадными методами управления своего венценосного отца, он внутренне склонялся к тому, что чиновники просто допустили ошибку в оценке ситуации, преуменьшая масштабы великого бедствия.

Конские копыта еще некоторое время глухо стучали по дороге.

Ян Чи вынырнул из задумчивости и негромко произнес:

— Скелет за столько лет, будь то эпидемии, миазмы или проказа, Гуйи никогда не испытывал недостатка в лекарственных травах. Возможно... у целителей есть неведомые остальным способы предсказания и определения эпидемий, благодаря которым они способны... заранее готовиться к беде.

Они всю дорогу анализировали все вдоль и поперек, и лишь молчавший Сун Суйюань замыкал шествие, прислушиваясь к тому, как эти двое постепенно подбираются к сути. Сам он

вмешиваться не стал, все так же продолжая уделять внимание сидевшему у него за пазухой беленькому котенку: всю дорогу он то и дело слегка пощипывал его за лапки да почесывал подбородок. А Янь, казалось, нравилось, когда ему трогают подбородок — его глазки блаженно прищурились, и, пробыв какое-то время в полудреме, он постепенно уснул.

Когда Сун Суйюань опустил взгляд снова, зверек уже подобрал под себя обе передние лапки и закрыл глаза. Он улыбнулся, одной рукой придерживая котенка и легко касаясь его слегка вздымающегося животика, и тихо произнес:

— Маленький ленивец.

Охота не удалась, но зато был другой улов. По возвращении в Дикий Сад Наследный принц и Ян Чи, немного отдохнув, сразу же направились в Шэнцзинь.

Проводив обоих, Сун Суйюань с котенком на руках вернулся в главный двор.

Едва они дошли до входа во двор, как новый управляющий поспешил навстречу:

— Молодой господин, сегодня из поместья госпожи приходили люди с просьбой навестить столицу, говорят, есть дело для обсуждения, связанное со старшей барышней.

Старшая сестра?

Сун Суйюань отпустил управляющего, вошел в комнату и уложил беленького котенка на кровать, мысленно гадая, не случилось ли часом чего у Лекаря Кана.

В прошлой жизни старшая сестра последовала за мужем к месту службы в префектуру Жунлу, и до самой его смерти они обменивались лишь письмами, поэтому он крайне мало знал о ее нынешнем положении.

Значит, было необходимо съездить туда, заодно можно будет лично еще раз взглянуть на те ниточки, что остались с той ночи.

Судя по непрекращавшимся в последние дни вестям, интерес Сун Суйюаня к маленькому гуляке уже давно перестал ограничиваться простым желанием отловить его и хорошенько проучить. Он всегда ненавидел неизвестность, маленький же гуляка стоял, окутанный туманом, воплощая саму неизвестность.

Взгляд Сун Суйюаня упал на сладко спящего на кровати беленького котенка и постепенно замер.

Нынче времена были иные, нежели прежде, и, пожалуй, можно было еще раз расспросить

этого малыша.

Объект столь пристального внимания, А Янь, казалось, что-то почувствовал: он поджал лапки и снова сменил позу для сна, полностью спрятав животик.

Вскоре за вечерней трапезой Сун Суйюань по привычке усадил беленького котенка себе на колени. Накрывавшие на стол слуги уже давно привыкли к подобному зрелищу, однако нынче старший молодой господин, придерживая одной рукой белоснежного красивого кота, другой занес палочки и спросил:

— Какое блюдо ты хочешь отведать?

— Мяу, — донесся из его объятий сонный голос А Яня.

Сюаньская рыба.

— Хорошо, — произнес Сун Суйюань и, подцепив палочками самый нежный кусочек рыбного филе, поднес его к кошачьей мордочке.

Старший молодой господин происходил из знатного рода, и правила поведения за столом прививались ему с детства — его чашки, палочки и тарелки практически не соприкасались друг с другом, не издавая звона, так что в комнате звучали лишь два гармоничных голоса.

— Что еще хочешь?

— Мяу.

— Хорошо, снова рыбы?

— Мяу.

— Сначала съешь немного овощей.

— Мяу.

— Умница, всего два стебелька.

Накрывавший на стол слуга слегка приподнял голову; колебания, растерянность, недоумение и легкая опаска на его лице были совершенно нескрываемыми.

Картина представала несколько причудливая.

Кормя кота, Сун Суйюань выглядел совершенно естественным, голос его звучал мягко, да и проснувшийся А Янь не находил в происходящем ничего странного — под ласковые уговоры он с аппетитом умял даже парочку лишних стеблей зелени.

Уголки губ Сун Суйюаня слегка приподнялись, и он сбавил обороты лишь тогда, когда белый котенок наконец наелся досыта, а его круглые глазки постепенно прояснились.

А Янь громко икнул, следом за этим зевнув, и от этого долгого зевка его голова окончательно прояснилась. Спрыгнув с колен Сун Суйюаня, он уселся на стоявший перед ним стол, поднял мордочку на Сун Суйюаня и спросил:

— Когда мы вернемся в Шэнцзинь?

Охоты он уже отведал.

Кот здесь засиделся, коту хотелось погулять по веселому кварталу, а тот кувшин с вином в прошлый раз был весьма неплох на вкус.

— Больше не хочешь? — Сун Суйюань опустил взгляд, встречаясь с ним взглядом, и, словно «не понимая» череду его мяуканья, отдал приказание слугам: — Убирайте со стола.

А Янь лапкой указал в сторону Шэнцзиня, и персиковые глаза Сун Суйюаня скользнули за этим жестом. На дне его глаз мелькнуло раздумье, и он, будто угадывая смысл сказанного, произнес:

— Хочешь пойти — иди, только возвращайся пораньше спать.

То было направление к озеру.

Круглые глаза А Яня отупели, и он поскреб лапкой голову: он-то думал, что Сун Суйюань по-прежнему не понимает, о каком месте он толкует. Размахивая длинным хвостом, кот испытал раздражение.

Как же досадно, что кот не может по собственному желанию обернуться человеком!

Прикрывшись чашкой с водой, чтобы скрыть улыбку на губах, Сун Суйюань обратился к беленькому котенку:

— Не забудь вернуться пораньше, завтра мы возвращаемся в Шэнцзинь.

Словно забрезжил свет в конце тоннеля, хвост А Яня замер, а затем снова задорно замахал из стороны в сторону, и круглые кошачьи глаза даже заметно посветлели:

— Правда?

Улыбаясь, Сун Суйюань почесал его подбородок:

— Так рад? А Янь так любит Шэнцзинь?

— Мяу-мяу... — счастливо закачал головой А Янь.

А Янь просто любил погулять!

Этим вечером Сун Суйюань вновь лично искупал котенка. Приведя всё в порядок, он принялся расчесывать его гладкую белую шерстку новым деревянным гребнем, и его длинные пальцы вместе с деревом скользили меж белых волн. Когда А Янь блаженно прикрыл глаза, Сун Суйюань, трудившийся весь вечер, решил потребовать плату за свои труды, и его низкий, небрежный голос прозвучал над ухом:

— Ты ведь знаешь, кто был у меня в комнате в ту ночь в Павильоне Люсян, верно?

А Янь чувствовал себя превосходно, глаза его были прищурены, а кошачье мяуканье звучало тягуче и лениво:

— Не знаю-у.

С чего это Сун Суйюань вечно норовит завести речь о той ночи? Кот ничего не знает, абсолютно ничего не знает.

Не прерывая движений, Сун Суйюань зашел с другой стороны:

— Ты знаком с ним?

Конечно...

— Мяу... — отозвался А Янь.

Угу, угу, порой А Янь — очень честный котик.

— Скажи мне, кто же всё-таки тот человек? — словно сам с собой рассуждал Сун Суйюань.

Деревянный гребень дошел до самого основания хвоста и замер.

— Мяу-мяу...

И впрямь, кто же он...

Надеясь выудить у котенка правду хитростью, Сун Суйюань затаил дыхание и неуверенным, мягким тоном произнес:

— Пожалуй, это Дэн Чжияюй.

А Янь широко раскрыл глаза:

— Да!

Из-за этого провалившегося перед сном разговора Сун Суйюань почувствовал себя несколько разочарованным. Такой малыш А Янь, а уже умеет лгать! Ему жутко хотелось растолковать этому крошечному белому котенку, пришедшему с Северо-Запада, как он вообще мог быть знаком с Дэн Чжияюем, который круглый год промышляет на юге.

А Янь же действительно в совершенстве постиг науцу о том, как смешивать правду и ложь, когда истина становится ложью, а ложь — истиной.

Хотя он и не знал, способен ли кто-нибудь его понять, рот он держал на замке.

Солнце взошло на востоке и постепенно сместилось к зениту.

На обратном пути атмосфера в экипаже царила слегка двусмысленная.

Сун Суйюань размышлял о том, что нельзя возлагать все надежды на А Яня — стоит лишь задействовать достаточное количество людей на поиски человека, и непременно удастся его отыскать. А Янь же, свернувшись калачиком у него на коленях, странным образом не желал спать и не хотел смотреть на лицо Сун Суйюаня, а потому спрятал маленькую кошачью мордочку прямо в лапках.

Ему не нравилось выражение лица Сун Суйюаня с вечера и до сего момента — стоило взглянуть, и сразу становилось понятно: тот обдумывает, как именно разыскать Дэн Чжияюя.

Едва Сун Суйюань вернулся в поместье, как Суй Мо и управляющий ожидали его вместе.

Управляющий шагнул вперед, отвесил поклон и с улыбкой произнес:

— Старший молодой господин, господин и госпожа ожидают вас в столовой, обед уже готов.

Суй Мо тут же протянул руки:

— Молодой господин, отдайте А Яня мне, я подержу.

Беленький котенок на груди старшего молодого господина, услышав это, тут же вцепился обеими передними лапками в запястье Сун Суйюаня:

— Не отдам.

Сун Суйюань безжалостно отлепил его лапки и передал пушистый комочек Суй Мо:

— Сначала отнеси его во двор.

Трапеза с родителями и разговор за ней затянулись бы надолго, так что брать его с собой не стоило. К тому же у него чесались зубы — ему хотелось пойти наперекор этому лживому малышу.

Не дожидаясь, пока Суй Мо его подхватит, А Янь легко спрыгнул на землю.

Он и сам не понимал почему, но подсознательно чувствовал, что ему будет комфортно лишь на руках у Сун Суйюаня, тогда как к чужим объятиям у него врожденно возникало недоверие, однако Сун Суйюань вовсе не пожелал держать его!

Накопившееся за ночь раздражение вмиг вспыхнуло.

Белый комочек выскользнул из рук, сердце Сун Суйюаня рухнуло вниз, и он машинально опустил ниже, пытаясь подхватить его, но всё было тщетно. Впрочем, пять-шесть чи высоты для кота — расстояние немалое, но, увидев благополучно приземлившегося А Яня, он почувствовал, как на сердце немного отлегло.

После столь резких перепадов чувств ему ужасно захотелось отлупить кота, но он прекрасно понимал всю бессмысленность этого: А Янь ведь действительно не пострадал, а здравый смысл старшего молодого господина клана Сун позволил ему сдержаться.

— Ау-ау! — громко рывкнул на Сун Суйюаня А Янь и, перебирая короткими лапками, стремглав бросился прочь.

Злюка! Больше ему не нужны твои объятия!

Злюка? Больше ему не нужны его объятия? Маленькая неблагодарная тварь, до чего же бессовестная!

У Сун Суйюаня задергался уголок брови, однако бросить кота он не мог, а потому, скрипя зубами, бросил:

— Суй Мо, ступай за ним.

Старший молодой господин глубоко вздохнул, навел порядок в мыслях и лишь после этого вошел в главный зал. Родители сидели за круглым столом, поджидая его.

Сун Вэньсин по-прежнему выглядел так, будто недолюбливал своего законного старшего сына, впрочем, лишних слов говорить не стал. Сидевшая рядом с ним Хэ Цзиньлань поманила Сун Суйюаня к себе, и во взгляде ее читалась легкая тревога.

Брови Сун Суйюаня едва заметно дрогнули:

— Что-то случилось?

Хэ Цзиньлань произнесла:

— Дорога была долгой, ты устал. Садись, поешь, а потом поговорим.

Молча завершив трапезу, семейство из трех человек переместилось в гостиную. Когда подали чай, Сун Суйюань посмотрел на молчаливого отца и озабоченную мать, прерывая тишину вопросом:

— О чем матушка хочет поговорить? Неужели Лекарю Кан не удастся приехать в столицу?

Хэ Цзиньлань бросила на него взгляд и заговорила неторопливо:

— Вчера я получила письмо из Цзинлэ. Лекарь Кан хлопочет по хозяйству, и ему трудно отлучиться, однако он попросил своего старшего соученика приехать в Шэнцзинь, чтобы осмотреть твоего отца.

Само по себе это было благое известие.

Сун Суйюань недоуменно ждал продолжения:

— Мм.

— В прошлый раз в письме Цзинлэ упоминала, что уже носит под сердцем ребенка, на этот же раз обмолвилась лишь строчкой: дитя сберечь не удалось, — глаза Хэ Цзиньлань покраснели.
— Помимо этой фразы, мать никак не может узнать, каково сейчас приходится твоей сестре. Суйюань, мать хочет, чтобы ты съездил на Юг и проведаль ее, и если ее там обижают, заведи ее и верни домой.

— Супруга, — Сун Вэньсин похлопал ее по тыльной стороне ладони.

Хэ Цзиньлань уронила две слезинки, ее персиковые глаза неотрывно глядели на сына:

— Суйюань.

Сун Суйюань нахмурился:

— Хорошо, матушка, не беспокойтесь, я не позволю старшей сестре пострадать.

Покидая двор, Сун Суйюань бросил долгий взгляд в сторону префектуры Жунлу, и выражение его лица было трудно расшифровать.

<http://bllate.org/book/24809/2934727>